

УДК 94(47)“1941/1945”

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1944 гг.¹**

В.К. Хазов

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, РФ

В статье изучаются особенности социализации детей на оккупированных территориях Ленинградской области в период с 1941 по 1944 гг. с позиции текстологического, историко-стилистического и социально-исторического анализа особенностей воспоминаний. Автор делает вывод о том, что воспоминания «детей оккупации» (термин вводится по аналогии с термином «дети войны») для настраивания более четкой оптики исследования и не имеет юридических коннотаций) имеют значительный потенциал для исследования военной повседневности. Важным условием использования документов данного типа является рассмотрение их в отношении с архивными документами. Социализация, как сложный, пролонгированный и многоплановый процесс может быть исследована главным образом через свои результаты, например, практики выживания, конкретные стратегии поведения и пр. В статье делается вывод, что социализация, реализуемая на оккупированных территориях, обладает рядом специфических характеристик, формирующим центром которых является одновременно борьба за выживание и борьба за сохранение социального статуса.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, дети, социализация, военная повседневность.

В настоящее время усилиями ряда исследователей – историков, этнологов, социологов и психологов и т.д. антропология военного детства стала одним из самых быстро развивающихся направлений современной военно-исторической антропологии. Причин подобного стремительного роста популярности данного направления несколько. Во-первых, интерес к антропологии военного детства определен собственно логикой развития исторической науки (как методологического фундамента военно-антропологических исследований). Антропологическое измерение проблемы требует от исследователей поиска новой научной оптики, подталкивает к расширению методологической и источниковедческой базы, а в некоторых случаях даже к корректировке, содержания исторического знания.

Во-вторых, к огромному сожалению, необходимо отметить, что война как феномен, как фактор человеческого существования, в обозримой перспективе не искоренима. В связи с этим перед современной наукой стоят задачи, связанные, главным образом, с выработкой стратегий организации действий по преодолению страшных последствий войн (как масштабных и прямых, так и локальных и «тлеющих»). Важным элементом этой работы должно стать формирование методологических наработок по формированию практических программ, которыми могли бы воспользоваться педагоги, социальные работники, управленцы, гражданские активисты и члены семей тех детей, которым выпало несчастье столкнуться со ужасами войны. В этом контексте, изучение факторов, определяющих и направляющих социальное бытие человека (в первую очередь социализацию), является важным условием для разработки комплекса активных мер по адаптации детей войны к мирной жизни и подготовки мер, направленных на то, чтобы минимизировать разрушительное, калечащее воздействие войны и сопровождающих её деструктивных влияний на детскую душу.

Особо необходимо отметить, что актуальность исследований военного детства с антропологических позиций определена еще и таким не столь очевидным (хотя крайне важным) обстоятельством как отложенный разрушительный эффект боевых действий. Время влияния деструктивного влияния войны может превосходить по длительности сроки ведения самих боевых действий (это очевидно и в комментариях не нуждается) и сроки послевоенного восстановления экономики и социально-экономической сферы жизни. Но это только часть проблемы. Деструктивные искажения и трансформации в человеческих душах и в общественных отношениях, вызванных войной, способны проявляться спустя некоторое время после её фактического прекращения. При этом такие отложенные морально-психологические, социокультурные и социально-экономические последствия войны крайне сложно зафиксировать на уровне письменных текстов. Если же говорить, например, о периоде Великой Отечественной войны, то и самих таких попыток тогда в силу ряда обстоятельств не предпринималось.

Дети находятся в самой кризисной, самой уязвимой социо-ментальной позиции. Их социальное знание только формируется, их социальные навыки только-только обретают оформление в виде практик. Искажающий эффект войны, в этом случае, приводит к неминуемому закреплению деструктивных, разрушительных и паталогических программ действий, оценок и суждений на долгие годы (возможно до самого конца жизни).

Целью нашей работы является выявление поведенческих стратегий –индикаторов социализации детей, оказавшихся во время Великой Отечественной войны на территориях Ленинградской области. Эти дети, непосредственно столкнувшиеся с целенаправленным формированием у них искаженного, болезненного социального опыта со стороны враждебных взрослых вынужденно формировали новую, адаптивную модель социального поведения сохраняя (как будет показано ниже) базовые установки довоенного, «мирного» миропонимания.

В качестве материала исследования нами были выбраны послевоенные воспоминания тех, чье детство прошло в годы Великой Отечественной войны на территории Ленинградской области оккупированных нацистами. Подобный подход к подбору источников позволяет выявить элементы, сформированные в ходе социальной адаптации к условиям оккупации (проявляющиеся в текстах воспоминаний в виде оговорок, упоминаний «фигур умолчания»).

Нужно отметить, что работа с хронологически близкими событиям нарративными источниками, содержащими презентацию личностного переживания войны, часто бывает затруднена или даже невозможна. Слишком высокий эмоциональный накал и сверхвысокая травматичность переживаний зачастую затрудняют их текстовое выражение (а в ряде случаев даже выступают прямой преградой для этого). Кроме того, широко известно нежелание участников боевых действий вспоминать травматический опыт и проговаривать его. В этом смысле, воспоминания «детей Великой Отечественной войны» бесценный источник для нашей работы.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>; исследование выполнено за счет гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 62/2022.

Военно-антропологические исследования, уже в силу своей логики и своих задач, а, равно как и характеристик объекта изучения имеют выраженную междисциплинарную направленность [16]. Тем не менее (мы упоминали это выше) методологические принципы и подходы характерные для исторической науки имеют определяющее значение, тогда как методы и инструменты, разработанные в иных гуманитарных (текстология, герменевтика), общественных (социология, политология) или естественных (психология) науках выполняют функцию инструментария, уточняющего и проясняющего.

В первую очередь нам необходимо уточнить содержание термина «социализация». В данном случае, проблема заключается в том, что определения данного термина, разработанные в разных дисциплинах, могут иметь некоторые отличия. Не имея возможность в настоящей статье проанализировать все существующие варианты определения интересующего нас термина, мы остановимся на рассмотрении двух подходов, наиболее распространенных в российских социально-гуманитарных науках. Граница между выделенными нами подходами проходит по линии оценки важности бессознательно копирувания в процессе социализации.

Первый подход предполагает, что трансляция социального знания происходит главным образом целенаправленно, организовано и системно (институционально). В этом случае, между термином социализация и термином «воспитание» ставится знак равенства. При таком подходе социализация определяется главным образом как процесс усвоения ребенком социально артикулированных социальных норм, установок, правил актуальных для данного сообщества. Цель процесса социализации, в этом случае понятна и однозначно – формирование индивида, адаптированного к нормативным требованиям и ожиданиям своего сообщества, и могут быть обозначены как «нормоориентированные». Примером реализации такого подхода может стать совместная работа Крившенко Л. П., Юркиной Л. В. и Борзова О. А. [6].

Определения, соотносящиеся со вторым подходом, предлагают расширенную интерпретацию термина «социализация». Определения второго типа конструируются вокруг идеи приоритета бессознательного культурно-социального опыта (стереотипов и практик, основанных на реально присутствующих, а не декларируемых моделях поведения взрослых, социализированных членов общества) над осознано и целенаправленно усваиваемыми социальными знаниями. Определения второго типа концентрируют свое внимание на идеи практической эффективности действий (цель социализации в таком случае видится как формирование социально успешного человека) и могут быть названы «практикоориентированными». Пример такого подхода статья Донцова Д. А. и Полякова Е. А. «Социализация личности в качестве психосоциального явления» [3].

Необходимо указать, что подобная классификация до определенной степени условна. Не может быть «социально успешным» индивид, полностью игнорирующий нормы и ценности общества, в котором он существует и, наоборот, знание и понимание норм и ценностей этого общества открывают перед индивидом путь к социальному успеху. Подобное деление подходов было выбрано нами на том основании, что типологизирующий принцип (доминанта процесса трансляции/усвоения социального опыта) выявленная теоретиками-педагогами, психологами и социологами остается определяющей даже в работах историков, изучающих военное детство (хотя, со стороны последних и не осознано).

Необходимо уточнить, что в силу того, что в силу особенностей организации документооборота в СССР в годы Великой Отечественной войны советские архивные документы, за редкими исключениями, не отражают собственно процесс социализации (т.е. процесс освоения норм, ценностей, социально-практических навыков и пр.). Из-за этого исследователи, занимающиеся историей военного детства, часто избегают концентрировать на нем свое внимание. Фактически в этом плане изучаются только различные (и мы бы сказали, разнонаправленные) практики. В ходе реализации тех или иных практик содержание социализации становится явным, открытым и фиксируемым в историческом документе. Необходимо уточнить круг практик, исследование которых будет максимально эффективно в свете нашей работы.

Изучение детской социализации представлено двумя группами исследователей. Первая группа концентрирует свои усилия вокруг изучения практик повседневности (прежде всего практик выживания). К этой группе относятся Красноженова Е. Е. [6], Рыблова М. В. [15], Архипова Е. В. [1], Носова М. С. [13], и др.). Для ученых составляющих эту группу детская военная повседневность выступает в качестве маркера-индикатора (проявленной компоненты) процесса социализации. Изучая практики, в которые дети были активно включены, данная группа исследователей фактически реализует понимание социализации как, бессознательного процесса (усвоение не артикулированных социокультурных норм, а скорее допустимых действий, явно или неявно представленных в реестре социально приемлемого поведения).

Вторая группа анализирует участие детей в социально-экономической деятельности взрослых и/или социально-экономическую и политико-правовую деятельность взрослых направленную на детей. Подходы, объединяющие исследователей этой группы, фактически реализуют представление о социализации как о сознательном и институционализированном процессе в целом близком или тождественном процессу воспитания. Так, например, Е. Ф. Кринко в одной из своих работ отмечает, что в советской историографии данный вариант рассмотрения проблемы «Война и дети» был доминирующим. Значительное количество работ были посвящены изучению различных видов трудовой деятельности советских детей, их помощь тылу и фронту исследование производственного труда детей и подростков на заводах и фабриках, в совхозах и колхозах, их помощь семьям фронтовиков, раненым и выздоравливающим, работа по созданию оборонительных сооружений и пр. [9]. В числе исследователи, чьи работы были отнесены нами ко второй группе можно упомянуть, Бурак Е. М., Свистова М. В. [3].

К этой же группе могут быть отнесены и исследования, направленные на изучение участия детей и подростков в партизанском и подпольном движении и освещающие различные аспекты советско-германского идеологического противостояния за влияние на души и умы детей на оккупированных территориях [10, 11]. В этом ряду особо стоит упомянуть работу Малышевой Н. А. посвященной связи процесса социализации и идеологической работы [12]. Это одна из немногих исторических работ прямо посвященная выявлению закономерностей процесса социализации во время войны.

Анализируя два этих подхода очень важно отметить, что формальная включенность ребенка в социальные институты тоталитарных государств и даже формальное принятие им соответствующих норм и правил (и в особенности, это имеет отношение к жизни на оккупированных территориях) не есть прямой показатель успешности его социализации. Хорошо известен феномен «пере-использование» подчиненным населением дискурсов власти (См. М. де Серто Изобретение повседневности [17]). Исходя из этого мы склоняемся к тому, чтобы ориентироваться на позиции, присущие первой группе исследователей.

Теперь, обратимся непосредственно к данным самих воспоминаний. В данных текстах мы можем выделить несколько групп элементов которые маркировали бы отношение респондентов к окружающим на основе бинарной оппозиции «Свой-Чужой». Крайне важно, установить кого и как (на основании чего, используя какие способы рационализации) «дети оккупации» воспринимали как «Свои» и «Чужих».

Прежде всего, обе категории не однородны и не строятся по формальным признакам. Так, например, очень интересно отношение к местным органам власти (т.е. с теми элементами советской управленческой системы, с которыми приходилось непосредственно взаимодействовать простому сельскому обывателю до войны).

Любопытную картину в своих воспоминаниях рисует Алексей Георгиевич Федоров (1930 г. р.), также уроженец деревни Жеребуд (воспоминания зафиксированы в августе того же года, что и воспоминания Р.П. Синельникова). Воспоминания эти связаны с началом войны: «Война началась, как раз, когда я школу окончил. Как узнали? Радио в деревне не было, но почтальон обходил. От него и узнали. Обходил пешком — какая там машина! И велосипеда в то время никто не видел в Жеребуде» [2, 259]. Никакой информации от председателя колхоза или кого-то из местного управления респондент не помнит. Это обстоятельство, конечно не является упреком органам партийное и советской власти на местах (во всяком случае, респондент не указывает на это!), но создает определенное ощущение отстраненности от Власти, отчужденности даже перед лицом столь важного явления как война с нацистской Германией.

Ощущение дезориентации и дезинформированной, усилившихся непосредственно перед оккупацией советских территорий передает Николай Иванович Петров (1923 г.р.), сын крестьянина, житель деревни Борщево (сейчас территория Лужского района Ленинградской области). Воспоминания зафиксированы в августе 2002 г. Респондент вспоминает: когда пришли домой уже после обеда, приходим — а радио было по деревне тогда проведено — вдруг радио там говорит, что война началась (так в тексте). Потом вдруг наехали какие-то люди. Народу нагнали со всех деревень на лошадях. Надо, говорят, копать укрепления. Какие укрепления? Фронт еще непонятно где.» [2, 250].

Еще больше эта отчужденность слышится в другом эпизоде, переданном Александрой Ивановной Савина (Николаевой), 1928 г.р., из крестьян села Мареево. В годы войны этот населенный пункт входил в состав Ленинградской области, сейчас данная территория относится к Новгородской области. Воспоминания зафиксированы в июне 2004 г. Респондент отмечает, что отступающие через их деревню красноармейцы рекомендовали её родителям, как можно скорее эвакуироваться. Однако сделать это не удалось. Пытаясь перебраться через брод, семья попала под перекрёстный обстрел. Респондент не указывает почему именно было решено вернуться, но после нахождения в лесу рядом с переправой такое решение все же было принято её родителями: «А когда в лесу вырыли окопы, укоренились (несколько дней всего прошло), тогда к нам снаряды начали летать: и наши, и немецкие. И тогда мы выехали на большую дорогу, на Троицу туда, и приехали домой. Вот и вся наша эвакуация» [2, с. 244].

У респондентов прослеживается четкое осознание связи между войной и включенностью детей и подростков в производственный труд. Так, Роман Петрович Синельников (1929 г.р.), живший на момент начала Войны в деревне Жеребуд (ныне Лужский район Ленинградской области), из крестьян (воспоминания фиксировались в августе 2004): «Потом приехал кто-то (почтальон, наверное) и объявил, что началась война. Тут сразу всех мужиков забрали, а пацаны остались. Вот мы и работали» (2, с. 250).

Таким образом, оценки довоенной (советской) власти у респондентов, в общем, располагаются в границах образа «то, с чем необходимо мириться».

Подобное отношение накладывает существенные ограничения на формирование оси социальных координат «Свой-Чужой», когда речь заходит о немцах и иных оккупантах. Трагическую историю сохранила память, уже упомянутого нами, Николая Ивановича Петрова. Воспоминания зафиксированы в августе 2002 г. Респондент вспоминает: «И вот мы там сидели как-то, и вдруг кто-то пришел. Сперва и не поняли: какой-то мужик зашел туда, а потом кто-то говорит: “Чужой пришел”. Подошли, посмотрели: “Ты чего? Откуда ты?” А ему нехорошо. Смотрим: кровь течет. Откуда взялся такой мужик? Он говорит: “Я шел, шел и случайно на вашу деревню набрел. Меня расстреливали [немцы], а я очнулся ночью живой и пошел”. При этом, это был не советский военный служащий, а рядовой мирный житель: «Не партизаны, нет, а просто на дороге где схватят без документов» [2, с. 273]. При этом, респондент фиксирует трагическую и неоднозначную ситуацию, ярко высвечивающую двойственность положения и двойственность самоопределения, в которых пребывало мирное население на оккупированных территориях. Родственник респондента вынужден был отдать сбежавшего из-под расстрела немецкой военной администрации (в его доме на постое находились два немца, и попытка как-либо помочь беглецу, спасшемуся от расстрела, неминуемо стала причиной расправы над его собственной семьей). Раненый был расстрелян, а сам упомянутый респондентом мужчина (в тексте он называется «дядя Ваня») был осужден уже после войны за сотрудничество с оккупантами.

Опыт другого респондента рисует картину схожую с описанной выше. Иван Константинович Сергеев, 1925 г.р., уроженец д. Марино вспоминает: «А комендант этот был знаком с одной девкой с Сырца (2 км к ВЮВ) — такая Шураха — молодая, красивая такая была. И она с ним погуливала». «И вот как-то подъезжают они вместе на этих санках к “Красному уголку”, она осталась сидеть в санках, часовой открыл, комендант заходит, встал вот так на порог, смотрит... Ну, думаю, п...ц мне. А он говорит строго так: “Иди домой”. Ну, что? Я мимо него прохожу. Часовой на улице стоит. Ну, думаю, сейчас в затылок... Нет. Так и ушел...» [2, с. 235]. И далее: «А потом эту Шураху (ведь все, считай, девки гуляли с немцами) а вот только ее почему-то [после войны] забрали и дали десять лет. Вот она в Воркуте отсидела десять лет, вернулась сюда, больная, и умерла. Вот за что ее посадили? Ведь молодые были — и они, и немцы — гулять-то надо. А ее вот посадили...» (2, с.235)

При этом, когда ситуация позволяла дети с оккупированных территорий, показывали и готовность бороться с врагами и помогать партизанам. Анна Николаевна Петрова (Герасимова) 1929 г.р. из крестьян деревни Борщево, Ленинградская область (воспоминания фиксировались в 2002 г.) рассказывает следующее: «Мы знали, что у нашего соседа — трехлетнего Коли — отец цыган. Да не просто цыган, а красивый командир. Поэтому мы его всегда прятали, когда немцы появлялись. Лично я прятала: помогала забраться в русскую печку и заставляла все чугунами (были у нас для этого специальные ухваты)» [2, 320]. Однако рядом с этим фрагментом идет и другой, менее эмоционально насыщенный и значимый для респондента: «И тут мы слышим стрельбу в районе школы. Оказывается, в школе прятался партизанский руководитель» [2, с. 321].

Более того, их готовность сражаться за свободу своей Родины не вызывает и не может вызывать сомнений: «В другом фрагменте читаем: «А наши мальчишки ушли в партизаны — те, что на год, на два постарше меня», «... и вот мальчишки туда ушли, а нас, девчонок, тогда не взяли, нас взяли только в конце 43-го года. Тоже пришел [парень] (он дружил с моей подружкой, соседкой) и позвал в партизаны. Вот и пошли мы с подружкой и ребята, которые помоложе: брат мой (27-го года) и еще какие-то мальчишки его возраста. Шли мы пешком, перешли озеро по льду, а потом он встретил дядьку на лошади, который довез нас до Черного озера. Там был отряд. Шалаши стояли, а в них зимой холодно! Костер горел, еду готовили. А продукты у населения брали; картошку, в основном» [2, с. 242]

Таким образом, определенное «искажение» социального восприятия происходит как раз в области формирования понятий «Свой» и «Чужой». Те немцы, которые не причиняли вреда воспринимались как «хорошие или нейтральные Чужие». «Немцы разные были. Был у нас один [охранник] — он нам помогал, чем мог, разговаривал с нами доброжелательно, расспрашивал о нашей жизни (он по-русски понимал). А потом его стали отправлять на фронт. Он к нам пришел и говорит: «Другой вместо меня придет, вы с ним и о чем не разговаривайте, а то донесет, и вас могут расстрелять» [2, с. 241]. Иными словами, мы должны отметить, что по мнению самого этого немца, его соратники по оружию не испытывали, в целом, симпатий к местному населению.

Тот же, И.К. Сергеев описывает и ситуацию предшествующую той, которая была упомянута нами выше. Его вызвали в комендатуру и приказали идти с немецкими подводами. После его отказа комендант приказал отправить молодого человека в подвал комендатуры, служившей военно-полевой тюрьмой. Далее молодой человек вспоминает: «И там я отсидел 16 суток. Мне дров приносили — там круглая печка была, я ее истоплю, а если хороший часовой попадет, так мне еще и покурить даст. Я попрошу, он штыком стекло приподнимет и мне закуренную сигарету передает. Вот такие были немцы, всякие были» [2, с. 235]. Данный фрагмент заставляет по-новому оценить и поступок той девушки (Шурахи) и отношения между молодым человеком и двумя немецкими военными.

Партизаны также воспринимались не однозначно. Особое расположение получали те партизаны, которые были земляками жителей той или иной деревни, таких охотнее принимали, прятали, им охотнее помогали: «А партизаны придут, посидят, потреплются — свои ведь ребята были: с Выбора (2 км. к В), с Сырца — заодно и перекусят».

Упоминают респонденты и сожжение советских деревень («А тогда мы проехали к сгоревший Жеребуд (там партизаны были, и поэтому деревню сожгли дотла» [2, с. 247]) и радость освобождения: «Потом слышим: в Мерево канонада, и наши разговаривают...» [2, 247]. Последнее можно прямо сравнить с содержанием послевоенных расследований [20, 21].

Очень многое в данной системе воспоминаний объясняет описание принудительного труда советских граждан. Он упоминается в скользя, скорее, как внешнее для мира респондента явление: «потом белорусов привезли сюда (это уже в 43-м). Просто молодежь в качестве рабочей силы. Они эту дорогу строили. И наши строили. Но я-то на гончарном [заводе] работала, горшки делала. Зачем-то нужно было немцам сохранить это производство» [2, с. 241]. Этот эпизод оказывается важной иллюстрацией официальных данных [22].

Подведем итоги. Данная работа представляет собой опыт исторической (главным образом, социально-исторической) реконструкции специфики социализации детей, находившихся в годы Великой Отечественной войны на оккупированных территориях Ленинградской области. Одной из важнейших проблем связанной с реконструкцией данного комплекса социальных представлений и связанного с ним опыта является проблема источников. С одной стороны, официальная документация не позволяет фиксировать непосредственно подобный глубоко персонализированный и индивидуализированный опыт. С другой стороны, информативность и историчность постсобытийных воспоминаний вызывают вполне обоснованные сомнения. На формирование воспоминаний неминуемо влияют особенности дискурсов, усвоенных респондентом в ходе последующего социокультурного существования. Особое значение при этом, играют особенности тех дискурсов, которые доминируют в период написания/фиксации воспоминаний.

Изучение особенностей социализации на основе полного доверия к содержанию воспоминаний не представляется возможным (хотя в сочетании с анализом официальных документов эффективность такого исследования возрастает). Однако то же, что создает сложности, создает и поле возможностей для разрешения проблемы. Если «оставить за скобками» то, что относится к содержанию «больших дискурсов», то оставшееся содержание и будет демонстрировать установки личного, «малого» дискурса.

В текстах воспоминаний всплывают аспекты частные, имеющие значимость для индивида (именно тут всплывает фундаментальная, присущая еще античной трагедии, дихотомия частного восприятия и общественной оценки – то, что было ценно и значимо для индивида в конкретных условиях – могло не получать официального общественного (и тем более правового) санкционирования).

Изучение текстов воспоминаний позволяют выявить те уникальные подробности исторических обстоятельств, которые не были, да и не могли быть зафиксированы в официальных документах. Эти данные как правило используются в рамках собственно исторического исследования как источник информации для вербального иллюстрирования тех или иных «больших исторических событий» или для обращения к свидетельствам очевидцев, т.е. свидетельствам личным и эмоционально окрещённым. Однако для военно-исторической антропологии этот материал имеет некоторую прибавочную ценность. Воспоминания о практиках — это уникальный материал позволяющий глубже и рельефнее изучить и осмыслить возможности и пределы человека на войне, его сильные и слабые стороны, его границы психологической изменчивости и пр. В этом плане высказывания воспоминаний не теряют своей значимости даже в случае их осознанной корректировки. Они могут быть не точными, умышленно или невольно ограниченными (например, неупомянутые фрагменты или забытые явления, не включенные в текст), они могут быть даже искаженными (опять же вольно или не вольно), но при этом воспоминания всегда сохраняют определенное зерно личной, субъективной переживаемой истины о мире и пережитом опыте.

Анализируя воспоминания мы явственно видим своего рода альтернативный центр, определяющий социализацию ребенка на оккупированной территории. Этот «центр» — стремление выжить. В отличие от блокадного Ленинграда, где и взрослые и дети были, фактически оставлены один на один с той же проблемой, дети на оккупированных территориях Ленинградской области не столько боролись с голодом, сколько вынуждены были радикально адаптировать свою жизнь к новым, враждебным социальным условиям. С одной стороны, «дети оккупации» не испытывали не были вынуждены подчинить всю свою жизнь борьбе с голодом и смертью. У них было время для обдумывания собственного положения и собственного опыта.

С другой стороны, само их положение, неопределенность статуса, регулярное наблюдение попыток старших сделать выбор между сохранением «верности» своим родственникам, друзьям и землякам (тем, кто составляет непосредственное социальное окружение) и лояльности своему государству, необходимость выстраивать свою жизнь в соответствии с требованиями новой, чужой, несмотря на единичные случаи обратного) враждебной оккупационной власти, все это замыкало, заставляло ограничивать свой жизненный мир только непосредственными контактами и оценивать события и поступки по преимуществу из этих локальноцентричных представлений.

Список использованных источников

1. Архипова Е. В. Сталинградцы в Белой Калитве: практики выживания детей // Значение сражений 1941-1945 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3-6 июня 2015 г.). Ростов н/Д, 2015. 548 с. С. 192 – 199.
2. Битва за Ленинград в судьбах жителей города и области (воспоминания защитников и жителей города и оккупированных территорий). СПб., 2005. 374 с.
3. Буряк Е.М., Свистова Н.В. Организация системы функционирования детских домов и специальных учреждений в городе Магнитогорске в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. №4. С.28-35.
4. Донцов Д.А., Поляков Е.А. Социализация личности в качестве психосоциального явления и процесса - методологический психологический анализ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. №1-4? С. 95-101.
5. Кодан С.В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // Genesis: исторические исследования 2014 № 3. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/hr/article_11431.html. свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 08.05.2022).
6. Красноженова Е. Е. «Детства больше не было»: детская повседневность в период оккупации Северо-Запада России (1941-1944 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – №4 (69). – С. 51-57. – DOI 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057
7. Крившенко Л. П., Юркина Л. В/, Борзов О. А. Понятие социализация как путь выхода из методологического кризиса педагогической науки // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. №5. С. 148–152.
8. Кринко Е.Ф. Человек на войне: что о нем пишут исследователи и что он сам рассказывает о себе // Новое прошлое. 2020. №4. С. 8-24.
9. Кринко Е. Ф. Детство военных лет (1941-1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. №4. С. 34-54.
10. Кудинов В.А. Детское движение по обе стороны фронта// Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. №1. С. 160-165.
11. Малхасян Н. В. Опыт трудового воспитания и профессионального обучения школьников в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. 2010. №1. С. 26-27.
12. Малышева Н.А. Влияние идеологического фактора на социализацию детей в годы Великой Отечественной войны // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. №16-3, С. 239-249.
13. Носова М.С. Особенности детства в тыловом Сибирском городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // ОНВ. ОИС. 2019. №2. С. 58-61.
14. Ромашова М. В. Занимательное источниковедение: история детства // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. №3 (20). С.172-178.
15. Рыблова М.А. Территория детства в пространстве Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4 (28). С. 37-50.
16. Сенявская Е. С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // Вестник Мининского университета. 2016. №1-2 (14). С.
17. Серто Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Мишель де Серто. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
18. Троицкий Ю.Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: исследования и источники / Ин-т ист. и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 14-32.
19. Фурсина Н.О. Практика устной истории: детские воспоминания о Великой Отечественной войне // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2016. №1. С.280-285.
20. Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 81.
21. Центральный Государственный архив историко-политической документации Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. Р-489л. Оп. 3. Д. 44.
22. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-992л. Оп.3. Д. 44.

**FEATURES OF SOCIALIZATION OF CHILDREN
IN THE OCCUPIED TERRITORY LENINGRAD REGION IN 1941-1944.¹**

V. Khazov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

The article examines the peculiarities of socialization of children in the occupied territories of the Leningrad region in the period from 1941 to 1944. The author concludes that the memories of "children of occupation" have significant potential for the study of military everyday life. An important condition for the use of memories of this type is to consider them in relation to archival documents. Socialization, as a complex, prolonged and multifaceted process, can be studied mainly through its results, for example, survival practices, specific behavioral strategies, etc. The article concludes that socialization implemented in the occupied territories has a number of specific characteristics, the formative center of which is both the struggle for survival and the struggle for the forming of social status.

Keywords: *The Great Patriotic War, occupation, children, socialization, military everyday life.*

¹ This work has been supported by the grants the Russian Science Foundation № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>; this work has been supported by the grants the St. Petersburg Scientific Foundation in accordance with the agreement no. 62/2022 dated April 15, 2022.